

УДК 821.112.2

Профессионалы и маргиналы Йозефа Рота

Виктория Валентиновна Мочалова

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0002-3429-222X

Кандидат филологических наук

Заведующая Центром славяно-иудаики Института
славяноведения РАН

119334, г. Москва, Ленинский пр., 32-А

Тел.: +7(495) 938-17-80, Факс: +7(495) 938-00-96

E-mail: victmoc@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2022.4

Аннотация. В статье анализируются тексты австрийского писателя Йозефа Рота, отразившие или каталогизирующие традиционные профессиональные занятия евреев местечек, маргинальные социальные слои, занятия евреев в странах эмиграции, в СССР, случаи совмещения профессионализма и маргинальности.

Ключевые слова: Йозеф Рот, традиционные еврейские профессии в местечке, занятия евреев в эмиграции, еврейские маргиналы, евреи в СССР

Мозес Йозеф Рот (1894–1939), австрийский писатель, автор 13 романов, среди которых «Бегство без конца» («Der Flucht ohne Ende», 1927), «Иов» («Hiob», 1930), «Марш Радецкого» («Radetzky-marsch», 1932), «Склеп капуцинов» («Kapuzinergruft», 1938), 8 томов рассказов, эссе и статей в европейской прессе [Roth

1989–1991], бесспорно, сам являлся профессиональным литератором. Уроженец галицийского города Броды, где 85 % составляли евреи¹, Рот был человеком пограничья, одновременно гибельного, но и влекущего. Его друг Юзеф Витлин писал о Роте, о его глубокой связи с местом рождения:

Прекрасные места, откуда мы оба с ним родом, влекли Рота из-за близости прежней российской границы. Его притягивала эта граница между разными культурами, притягивали таинственные образы людей пограничья — контрабандистов, стражников, весь этот мир контрабанды и дезертирства, как если бы это была граница между жизнью и смертью [Wittlin 2000].

Люди пограничья становятся персонажами его текстов — в романе «Марш Радецкого» представлен их коллективный портрет: они

...всегда в движении, всегда в пути, с бойким языком и светлыми мозгами, они могли бы завладеть половиной мира, если б знали, что такое мир. Но они этого не знали. Ибо жили вдаль от него, между востоком и западом, зажатые между днем и ночью, сами уподобившись неким живым призракам, которые ночь рождает и пускает бродить днем [Рот 2000].

Это промежуточное положение между Востоком и Западом людей пограничья приводило и к некоей пестрой амальгаме различных свойств, обычно не встречающихся в пределах одной личности.

Стефан Цвейг отмечал у Йозефа Рота и русскую натуру, даже карамазовскую:

¹ Как Рот вспоминал в автобиографическом очерке «Земляника» (1929), в его «родном городе жило около десяти тысяч человек. Три тысячи из них были сумасшедшие, не представляющие угрозы для общества. Тихое безумие окутывало их, как золотое облако. Они занимались делами и добывали деньги <...>, заботились о земном. Они изъяснялись на всех языках, какие были в ходу у смешанного населения нашего края» [Roth 2016: 4].

Это был человек больших страстей, который всегда и везде стремился к крайностям; ему были свойственны русская глубина чувств, русское истовое благочестие, но, к несчастью, и русская жажда самоуничтожения. Жила в нем и вторая натура — еврейская, ей он обязан ясным, беспощадно трезвым, критическим умом и справедливой, а потому кроткой мудростью, и эта натура с испугом и одновременно с тайной любовью следила за необузданными, демоническими порывами первой. Еще и третью натуру вложило в Рота его происхождение — австрийскую, он был рыцарственно благороден в каждом поступке, обаятелен и приветлив в повседневной жизни, артистичен и музыкален в своем искусстве. Только этим исключительным и неповторимым сочетанием я объясняю неповторимость его личности и его творчества².

Смещение этих столь разных «натур» имело и обратную сторону — неполную принадлежность к какой-либо из них. Подобное промежуточное, пограничное положение, как бы заданную маргинальность видел Гюнтер Андерс и у его соотечественника Кафки:

Как еврей, он не был полностью своим в христианском мире. Как индифферентный еврей — а таким он поначалу был, — он не был полностью своим среди евреев. Как немецкоязычный, не был полностью своим среди чехов. Как немецкоязычный еврей, не был полностью своим среди богемских немцев. Как богемец, не был полностью австрийцем [Anders 1960:18].

Эта неполная принадлежность к какому-либо из «миров», мерцающая идентичность в сочетании с неукорененностью, со скитальческим образом жизни³, принципиальной бездомностью

² Цит. по: [Клех 2018].

³ В 1926 году Рот написал книгу с характерным названием «Juden auf Wandschaft» [Roth 1927] («Дороги еврейских скитаний», рус. пер.: [Рот 2011]). В статье цитируются очерки этого сборника с указанием в скобках их названий.

(Рот признавался, что его родина там, где ему плохо, а хорошо ему только на чужбине, что многие восточноевропейские евреи навсегда остаются скитальцами, что у них нет родины, но родные могилы — на каждом кладбище [Рот 2011: 30]), с неприкаянностью (Рот относил себя к своего рода самозванцам, какими в Европе называют людей, которые притворяются кем-то другим, чем они есть на самом деле [Roth 2016: 7]), особенно после прихода Гитлера к власти в 1933 году и эмиграции — он живет в отелях Вены, Берлина, Парижа, Вильно, Варшавы, Зальцбурга, Брюсселя, Амстердама, пишет в кафе, ища вдохновения в алкоголе⁴, — побуждает отнести его к категории маргиналов⁵. Дополнительное подтверждение этого и скорбный конец его жизни в мае 1939 года в Париже, в больнице для бедных, и смерть от *delirium tremens*, белой горячки, часто завершающей жизнь алкоголиков. И его похороны скорее рисуют его как маргинала — не на престижном кладбище, а в парижском предместье Тье, и проводящие колебались, по какому обряду хоронить.

Договорились хоронить без отпевания в церкви, но со священником. Когда святой отец приступил к церемонии, в толпе галицийских евреев поднялся недовольный ропот. Народу на кладбище собралось очень много — евреи и христиане, монархисты и коммунисты, знаменитости и неизвестные эмигранты, мужчины и много женщин. На плите была выбита надпись: «JOSEPH ROTH. Poète autrichien. Mort à Paris en exil. 2.9.1894–27.5.1939». На могиле нет ни креста, ни звезды Давида [Шибарова 2011: 20].

В текстах Рота представлен обширный каталог социальных ролей его персонажей — как профессионалов, так и маргиналов, своеобразный компендиум, или энциклопедия, и эта масштабная галерея выразительно отражает восточноевропейскую еврейскую историю и культуру:

⁴ Хорошо знавший Рота Стефан Цвейг считал, что он пил с горя, чтобы забыть, и что к этому его побуждала его русская натура.

⁵ Ср.: [Bronsen 1974; Morgenstern 1994; Sternburg 2009].

В городке восемнадцать тысяч душ населения, пятнадцать тысяч из них — евреи. На три тысячи христиан приходится около сотни купцов и торговцев, сотня чиновников, один нотариус, уездный врач и восемь полицейских служителей. Всего полицейских десять. Но двое, как ни странно, тоже евреи. Чем заняты прочие христиане, я затрудняюсь сказать. Из пятнадцати тысяч евреев восемь тысяч живут торговлей. Это **лавочники** — мелкие, средние и покрупнее. Остальные семь тысяч — это мелкие **мастеровые, рабочие, водоносы, книжники, служители культа, синагогальные служки, учителя, писцы, переписчики Торы, ткачи талесов, врачи, адвокаты, чиновники, попрошайки** и робкие бедняки, живущие на щедроты филантропов; **могильщики, моэли и каменотесы**, высекающие надписи на надгробиях («Еврейский городок» [Рот 2011: 45]).

В этом замкнутом, густонаселенном мире «за пределы родного местечка выбираются разве что **нищие да коробейники**» («Восточные евреи на Западе» [Рот 2011: 25]).

Стремясь познакомить западного читателя с миром восточно-европейских евреев и опровергнуть распространенные представления о них, Рот рисует широкую панораму их профессиональных занятий, одновременно характеризуя как их повседневную жизнь, так и ментальность:

Отрицают на Западе и существование еврея-ремесленника. А ведь на Востоке среди евреев сколько угодно **жестянщиков, столяров, сапожников, портных, скорняков, бондарей, стекольщиков, кровельщиков**. Образ Восточной Европы, где все евреи — чудотворцы-цадики, или же промышляют торговлей <...>, смешны и нелепы <...>. **Поэтов и мыслителей** в восточных землях неизмеримо больше, чем **цадиков и торгашей**. А бывает и так, что цадики и даже торгаши являются по основному роду своих занятий мыслителями и поэтами⁶; применительно к каким-нибудь западным генералам такое вряд можно помыслить («Восточные евреи на Западе» [Рот 2011: 32–33]).

---

⁶ Ср.: «Близко соседствуют у евреев Восточной Европы небо и промысел» («Берлин» [Рот 2011: 94]).

Здесь особенно важной кажется мысль о случаях несоответствия профессиональной принадлежности человека и его внутренней сущности, духовного призвания и обусловленного этим места в социуме, о проницаемости границ между «внешним» и «внутренним», видимым и сокрытым.

Рот обращается здесь, как представляется, к существующему в еврейской традиции, фольклоре понятию о 36 скрытых цадиках, праведниках, *ламед-вавниках* (ל"ו מִיְקִיָּם), благодаря которым существует мир («праведник — основание мира» (Притч. 10:25)), но их положение на социальной лестнице весьма скромно, а профессии далеко не почетны. В еврейском фольклоре скрытыми праведниками могут быть «портной — бедный, малообразованный еврей», «бедный чулочник», «все они были бедны и тяжелым трудом добывали себе пропитание: один был сапожником, другой — кузнецом, третий — портным» [Райзе 1999: 12–18], и, например, в рассказе И.-Л. Переца «Холмский меламед» «скрытые праведники были обыкновенными бедными евреями — водоносами, сапожниками, дровосеками, каменотесами» [Перец 1962: 19–20]⁷. Здесь представляется существенным сочетание явленной миру скромной профессиональной принадлежности, социальной маргинальности — и высокой миссии, обусловленной сокрытостью, неизвестностью *ламед-вавников*.

Много внимания Рот уделяет и многочисленным профессиональным **цадикам** Восточной Европы, каждый из которых почитается в кругу своих приверженцев-хасидов, своего «двора» самым великим, а его звание переходит от отца к сыну. Его благословения, как и его проклятия, сбываются. Цадик живет скромней последнего нищего, ест ровно столько, чтобы не умереть от голода, он лишен плотских потребностей — он живет служением Богу.

«Спать с женой для него святой долг, и наслаждение дает ему не обладание женщиной, а выполнение долга. Он должен родить детей, чтобы народ Израиля умножался, как звезды на небесах и как песок морской». День и ночь ребе читает священные книги, изо дня в день к нему приходят из дальних мест люди, которым

⁷ Ср. [Scholem 1971].

он помогает наводить мосты между человеком и Богом и между человеком и человеком. Мудрость цадика «равна его опыту, а практический ум равен вере в себя и в свое избранничество. Он помогает кому советом, кому молитвой. Он научился истолковывать изречения святых книг и Божьи заповеди так, что они не противоречат законам жизни, и не остается ни единой лазейки, в которую мог бы протиснуться отрицатель» («Еврейский городок» [Рот 2011: 52–53]).

К условной категории «духовного пролетариата», к своего рода пролетариям в делах веры Рот относит переписчиков Торы, еврейских учителей, изготовителей молитвенных облачений и восковых свечей, резников и мелких служителей культа («Еврейский городок» [Рот 2011: 71–72]).

Значительное место в каталоге еврейских профессий у Рота занимают творческие занятия. Слава восточноевропейских еврейских музыкантов и певцов распространяется как в географическом ареале (более или менее широком), так и во временном диапазоне:

На европейском Востоке много замечательных **музыкантов**. Ремесло музыканта переходит от отца к сыну. Отдельные музыканты приобретают себе имя и славу, выходящую на несколько миль за пределы родного местечка. На большее подлинны музыканты не претендуют. Они сочиняют мелодии и, не зная нотной грамоты, передают песни по наследству своим сыновьям, а заодно и большому количеству евреев Восточной Европы. Они настоящие народные сочинители. После их смерти люди еще лет пятьдесят рассказывают случаи из их жизни. Имена их вскоре стираются в памяти, а мелодии поются и путешествуют по белу свету («Еврейский городок» [Рот 2011: 64]⁸).

Капеллу из шести музыкантов называют братьями, сыновьями великого Менделя из Бердичева, которого старики из Восточной Европы еще застали живым и чью волшебную скрипку по сей день не могут забыть ни Литва, ни Волынь, ни Галиция («Берлин» [Рот 2011: 95]).

---

⁸ Ср. [Райзе 1999: 31].

Приверженность своей традиционной профессии демонстрирует и в эмиграции музыкант из Радзивилова, старинного местечка близ российско-австрийской границы, родившийся в семье музыкантов, в которой прадед, дед, отец, братья играли на еврейских свадьбах. Став единственным в своей семье, кто смог уехать из родных мест на Запад и получить музыкальное образование в Венской консерватории, этот радзивилковский музыкант тем не менее не предает «традиций отцов», отказывается играть как серьезную музыку, так и «*Кол нидрей*» — «Все равно я всегда буду клоуном» — и поступает на работу в цирк.

Я играю на аккордеоне, на губной гармошке, на саксофоне, и мне хорошо оттого, что в зале никто знать не знает, что я мог бы, если нужно, сыграть и Бетховена. Я — радзивилковский жид («Париж» [Рот 2011: 106–107]).

Артистической славы добиваются также **певцы** или **чтецы молитв**, которых на Западе называют **канторами**, а в Восточной Европе — **хазанами**. У этих певцов дела обстоят, как правило, лучше, чем у музыкантов: они служат религии, их искусство благостно и торжественно. Дело, которому они себя посвятили, ставит их в один ряд со священниками. Некоторых, чья известность достигает Америки, приглашают за океан в богатые еврейские кварталы. В Париж, где существует несколько богатых еврейских общин, представители синагог ежегодно выписывают на праздники какого-нибудь знаменитого певца и хазана из восточных земель. И тогда евреи идут на молитву, как на концерт, разом удовлетворяя и религиозное, и эстетическое чувство. Я подозреваю, что содержание исполняемых молитв, равно как и само пространство, в котором они произносятся, повышают художественную ценность певца. Лично мне так ни разу и не выпал случай проверить, правы ли были евреи, с жаром уверявшие меня в том, что такой-то и такой-то хазаны пели намного лучше Карузо («Еврейский городок» [Рот 2011: 65]).

В театральной области могли лидировать личности, деятельность которых совмещала в себе организаторские и творческие аспекты, религиозные и светские занятия: выступавшую в Бер-

лине актерскую труппу именовали «Сурокинской» — по имени директора, режиссера и казначея театра Сурокина, господина из Ковно, уже успевшего побывать с гастролями в Америке, хазана и тенора, героя синагог и оперных залов, неженки, гордеца и зазнайки («Берлин» [Рот 2011: 96]).

Рот описывает и такое нетривиальное занятие (которое совмещает в себе профессиональность и маргинальность), как шутовство. Фрейдисты рассматривали агрессивность, обращенную против себя, как «основную характеристику подлинных еврейских шуток», то есть видели в этом симптомы паранойи или мазохизма. Они трактовали такую специфику как своего рода мазохистскую маску, служащую как для отражения агрессивности извне, так и для достижения победы посредством поражения. Некоторые исследователи считают еврейский юмор показателем социальной маргинальности, другие отмечают, что юмор служит евреям защитным механизмом [Бен-Амос 2004: 127].

Рот называет самым диковинным ремеслом то, которое избрал себе так называемый *бадхан* — шут и паяц, философ и сказочник, сочетающий в себе профессионала и принципиального маргинала, чурающегося обычных социальных ролей и занятий:

Ни один городок, ни одно местечко не обходятся без хотя бы одного *бадхана*. Он веселит гостей на свадьбах и семейных праздниках, ночует в молельне, сочиняет сказки, слушает мужские диспуты и ломает голову над всяким вздором. Никто не принимает его всерьез. А ведь он серьезнейший человек! Он с таким же успехом мог бы торговать птичьим пухом и кораллами, как вон тот состоятельный господин, который приглашает его на свадьбу, с тем чтобы *бадхан* выставил себя на посмешище. Но *бадхан* не торгует. Ему не с руки заводить ремесло, жениться, родить детей и слыть уважаемым членом общества. Он ходит из деревни в деревню, из города в город. С голоду не умирает, но вечно ходит полуголодный. *Бадхан* не умирает — *бадхан* нуждается, причем нуждается добровольно. Его сказки, попади они в печать, произвели бы в Европе фурор. Во многих всплывают темы, известные из идишской и русской литературы. Знаменитый Шолом-Алейхем был своего рода

бадханом — правда, *бадханом* разумным, честолюбивым, осознающим свою культурную задачу («Еврейский городок» [Рот 2011: 65–66]).

На грани профессионала и дилетанта находится сказитель, у которого, в отличие от *бадхана*, есть и какое-то дополнительное занятие. Описывая этот тип, Рот отражает и умонастроения восточноевропейского еврейства, пренебрежительно относящегося к чему-либо, не связанному с религией:

На европейском Востоке вообще нередки одаренные **сказители**. В каждой семье всегда найдется какой-нибудь дядя, мастер рассказывать сказки. В глубине души он поэт, и сюжеты свои он либо заготавливает заранее, либо выдумывает и меняет по ходу дела. Зимние ночи холодны и долги, и сказочники, у которых обычно худо с дровами, готовы рассказывать за два-три стаканчика чая или за то, чтоб их пустили погреться у печки. К ним относятся по-другому — лучше, чем к профессиональным шутам. Они хотя бы для отвода глаз пытаются заниматься практическим ремеслом и достаточно умны, чтобы не афишировать перед прагматически настроенным рядовым евреем прекрасное безумие, воспеваемое шутом. Шуты — революционеры. Рассказчики-дилетанты заключили союз с обывательским миром и остались любителями. Обычный еврей считает искусство и философию, существующие вне связи с религией, не более чем «развлечением». Впрочем, он достаточно честен, чтобы не лицемерить, и от разговоров о музыке, об искусстве скромно воздерживается («Еврейский городок» [Рот 2011: 66–67]).

Описывая низшие социальные слои еврейского общества, Рот отмечает их ментальные и поведенческие особенности, отличия от христианского населения сходного профессионального круга.

Кого на Западе совершенно не знают, так это еврейского **селянина**. Он никогда сюда не выбирается. Он по-мужицки сросся с родимой «почвой». Да он и есть наполовину мужик. У себя в деревне он **арендатор, мельник или шинкарь**.

Никогда ничему не учился. Едва умеет читать и писать. С трудом справит разве что самый мелкий гешефт. Разве что самую малость умней мужика. Крепкий, рослый, здоровый как бык. Обладает физической смелостью, любит подраться, не страшится опасности. Нередко пользовался своим превосходством над мужиком, что в старой России давало повод к погромам, а в Галиции — к антисемитским кампаниям. Но при этом его отличают природная крестьянская кротость и большая душевная честность. Еще одной характерной его чертой является здравомыслие, которое встречается везде и всюду, а особенно благодатную почву находит там, где разумное племя напрямую подчинено законам природы» («Еврейский городок» [Рот 2011: 67–68]).

Еврейский пролетариат можно упрекнуть

...если не во враждебности, то в равнодушии к своему классу. Из множества несправедливых и нелепых претензий Запада в адрес евреев Восточной Европы самая несправедливая и нелепая — будто они разрушители устоявшегося порядка, что в переводе на язык филистеров означает «большевики». На самом же деле еврейский бедняк это самый консервативный из всех бедняков земли. Он, так сказать, залог сохранения старого общественного уклада <...> Он не пьянствует, не склонен к печальной, но здоровой беспечности пролетария-христианина. Всегда сумеет выделить дочери небольшое приданое — если не деньгами, то тряпками. Сумеет даже прокормить зятя. Будь он **ремесленник** или **мелкий торговец**, **бедный книжник** или **храмовый служака**, **нищий** или **водонос** — еврей *не желает* быть пролетарием, *хочет* отличаться от бедноты, *изображает* благополучие («Еврейский городок» [Рот 2011: 68–69]).

Нищий еврей предпочтет побираться по домам богатых людей, чем на улице. У прохожих он тоже просит, но все-таки основной доход приносит ему своего рода «постоянная клиентура», которую он регулярно навещает. К богатому мужику еврей ни за что не пойдет; иное дело — к менее состоятельному соплеменнику. У нищего еврея своя сословная гордость. Буржуазный талант еврейского народа к благоотво-

рительности, коренящийся в его консервативности, сдерживает революционизацию пролетарской массы. Религия и обычаи запрещают всяческое насилие, запрещают мятеж, возмущение и любые открытые проявления ненависти. Бедный богомольный еврей смирился со своей участью, как любой богомольный бедняк, безразлично, какой конфессии. Бог одних создал богатыми, других бедными. Восставать против богача — все равно что восставать против Бога («Еврейский городок» [Рот 2011: 69–70]).

Рот описывает страждущих, попираемых, презираемых, не находящих утешения ни в вере, ни в классовом чувстве, ни в революционных идеях — это **грузчики, носильщики, водоносы**

...в маленьких местечках, которые с рассвета до заката наполняют водой бочки в домах состоятельных жителей — за скудную понедельную плату. Все живущие поденным *трудо*м — трогательные простодушные люди, наделенные какой-то нееврейской физической силой, здоровое, храброе, добросердечное племя. Ни в ком физическая сила так близко не соседствует с добротой, ни в ком грубость занятий так не далека от душевной грубости, как в еврейском рабоче-поденнике («Еврейский городок» [Рот 2011: 72]).

Этот контраст связанного с грубой силой профессионального занятия и внутренней, подлинной сущности человека отразился и в еврейской литературе, запечатлевшей образ водоноса, например у Хайкеля Лунского («Der Vasertreger»), где он предстает загадочным человеком, углубленным в книги, тайным благодетелем, слывающим каббалистом (водонос имел странное стремление покупать и изучать книги), или у Моше Кульбака («Vilne»), где водонос освещен мистическим светом («...на старой синагоге оцепеневший водонос Стоит и, задрав бороду, считает звезды»). «Водоносом» является и синагога: Тора, ее изучение нередко уподобляются живительной, чистой воде. Таким образом, водонос перестает быть лишь символом бедности и социальных низов» [Брио 2008: 164].

Моральные оценки соотечественников Рот (устаами своего аристократического персонажа из «Марша Радецкого») связывает с их профессиональными занятиями, фактически представляя их как маргиналов в обществе, где они тем не менее занимают высокие посты и призваны к служению ему: правительство предстает как «банда бездельников», рейхсрат — как «собрание доверчивых и патетических идиотов», государственные учреждения названы «продажными, трусливыми и бездельными». Оценки отдельных этносов империи также связываются с определенными профессиями: немецкие австрийцы — вальсеры и хористы из оперетки, чехи — прирожденные чистильщики сапог, русины — переодетые русские шпионы, хорваты и словенцы — щеточники и продавцы каштанов, поляки — парикмахеры и модные фотографы [Рот 2000].

Понятно, что естественными, вынужденными маргиналами по определению являются эмигранты. И Рот тщательно описывает профессиональные занятия этих маргиналов: торговцы в рассрочку, валютные спекулянты, «портные милостью Божьей», «люди умственного труда — учителя, писцы», нищие, музыканты, продавцы газет, чистильщики обуви, «торговцы воздухом», пройдохи, шарлатаны, контрабандисты («Западные гетто. Вена» [Рот 2011: 80–87]). Среди еврейских маргиналов в эмиграции Рот выделяет всякого рода мошенников — **карманников, брачных аферистов, жуликов, фальшивомонетчиков, спекулянтов**, отмечая при этом, что грабители редки, а убийцы или разбойники — и давно («Берлин» [Рот 2011: 89]).

Однако Рот фиксирует динамичность, подвижность этой социальной категории — эмигрантов: если днем в Вене по мостам, соединяющим добровольное гетто Леопольдштадт с другими районами, «шагают **торгаши, коробейники, биржевые маклеры, гешефт-махеры**» — все, кого называют «непроизводительными элементами еврейской эмиграции», то в утренние часы по тем же мостам спешат их потомки:

...сыновья и дочери торгашей, занятые на фабриках, в конторах и банках, в редакциях и мастерских. Сыновья и дочери восточных евреев — элементы производительные. Пусть

их отцы спекулируют и промышляют мелкой торговлей. Из этих мальчиков получились отличные **адвокаты, врачи, банковские работники, актеры и журналисты** («Западные гетто. Вена» [Рот 2011: 74–75]).

Бедный коробейник все же отдаст своих детишек в школу. «Сын когда-нибудь станет известным **адвокатом**, отец же, столько лет проходивший с корзиной, так и будет ходить с ней дальше» («Западные гетто. Вена» [Рот 2011: 80]).

Эмигранты способны и быстро приспособиться к новым условиям: «Они даже становятся **дипломатами, газетными писателями, бургомистрами**, важными лицами, **полицейскими, директорами банков** — словом, теми же общественными столпами, что и коренные члены общества» («Восточные евреи на Западе» [Рот 2011: 30]).

Собственные скитания позволяют Роту зафиксировать и специфические эмигрантские профессии, которые в еврейском случае имеют некоторые особенности, например,

...**толмачество** — очень еврейское ремесло. Ведь твоя задача не просто переводить на французский — с английского, русского или с немецкого. Твоя задача — переводить, даже когда иностранец молчит. Клиенту не нужно и рот открывать. Толмачи-христиане, возможно, и переводят. Евреи — угадывают. Толмачи зарабатывают <...>. А потом идут в порт, садятся на пароход и плывут в Южную Америку («Париж» [Рот 2011: 108]).

В эмиграции евреям приходится прибегать к посредническим услугам людей, способствующих оформлению нужных документов. Эту распространенную «профессию» трудно как-то определенно обозначить, описательно она выглядит так:

...**люди, которые умеют читать в душах чиновников** и на это живут. Причем знатоки эти — тоже евреи. Но так как встречаются они редко, в каждом городе наперечет, и к тому же обладают способностью пить с чиновниками, толкуя с ними на местном наречии, они уже и сами, считай, чинов-

ники, и, прежде чем подступаться к кому-то со взяткой, сперва нужно подкупить этих евреев («Еврей едет в Америку» [Рот 2011: 122]).

Видимо, предельным случаем «маргинальности» являются **калеки** — инвалиды войны. Им Рот, участник Первой мировой войны и пацифист, посвятил выразительную по своей антивоенной направленности статью «Калеки. Похороны польского инвалида» (1924) во «Франкфуртер цайтунг», описывающую похороны во Львове покончившего с собой инвалида, в которых приняли участие все инвалиды города. «Польские евреи представляли всех военных инвалидов мира, интернациональный народ калек» [Roth 2018: 40].

С особым укладом еврейской жизни сталкивается Рот во время своей командировки от «Франкфуртер цайтунг» в 1926 году в Советскую Россию⁹, где он тоже внимательно каталогизирует социальные роли еврейства:

На два миллиона семьсот пятьдесят тысяч российских евреев приходится 300 тысяч организованных рабочих и служащих; 130 тысяч крестьян; 700 тысяч ремесленников и представителей свободных профессий. Остальные — это: а) капиталисты и «деклассированные», проходящие по разряду «непроизводительных элементов»; б) мелкие торговцы, посредники, агенты, разносчики — все, кто ничего не производят, но считаются пролетарскими элементами. Полным ходом идет колонизация — отчасти на американские деньги, которые до революции шли в основном на колонизацию Палестины. Еврейские земледельческие колонии существуют на Украине, под Одессой, под Херсоном, в Крыму. После революции 6 тысяч еврейских семей было привлечено к сельскому хозяйству. В целом еврейским крестьянам выделено 102 тысячи десятин земли. Одновременно евреев приобщают к «индустриализации»: нанимают

⁹ Созданные во время этой поездки 18 репортажей публиковались в 1926 году во «Франкфуртер цайтунг», а статья «Положение евреев в Советской России» («Frankfurter Zeitung», 9. November, 1926) включена в сборник «Дороги еврейский скитаний» [Рот 2011: 125–135].

«непроизводительный элемент» на заводы и фабрики и обучают молодежь в еврейских «профтехучилищах» (их около тридцати) рабочим ремеслам [Рот 2011: 128].

На Молдаванке, в еврейском квартале Одессы, производящем мрачное впечатление, Рот видит и нищих, и здоровенных неуклюжих мужиков — еврейских **портовых грузчиков**. «Среди своих худосочных, слабых и бледных истеричных собратьев они выглядят чужеродно: словно дикое варварское племя, по ошибке затесавшееся к древним семитам» [Рот 2011: 130].

Но одновременно с этими описаниями Рот ставит и глубокие вопросы, связанные с еврейской национальной идентичностью, с сомнениями в возможности того, что советской доктрине суждено преуспеть в превращении евреев в «рядовое» национальное меньшинство наподобие грузин, немцев и белорусов, которому предстоит жить в социалистическом государстве, для чего нужно весь его «мелкобуржуазный и непроизводительный элемент» окрестянить и опролетарить. «Допустимо ли из людей с наследственной склонностью к умственной жизни делать крестьян? Из крайних индивидуалистов — индивидуумов с коллективистским сознанием?» [Рот 2011: 130–131].

Рот описывает отличие еврейских **крестьян** от крестьянской толпы: если русский крестьянин в первую очередь крестьянин и только потом — русский человек, то еврейский — в первую очередь еврей и только потом — крестьянин. Он

четыре тысячи лет подряд был евреем, и только евреем. У него древнее предназначение, в его жилах течет древняя, так сказать, ко всему привычная кровь. Он человек умственной жизни. Он принадлежит народу, не имевшему за последние две тысячи лет ни одного неграмотного <...> и в то время как все остальные крестьяне в его окружении только начинают осваивать грамоту, в мозгу еврея, идущего за плугом, ворочаются мысли о проблемах теории относительности. Для крестьян с таким сложным устройством мозга еще не придуманы земледельческие орудия [Рот 2011: 131–132].

Фабричных **рабочих** также невозможно «опролетарить»: большинство из них — «специально обученные мастера; они постоянно питают свой жадный мозг, вознаграждая его за рутинный механический труд интеллектуальными упражнениями, любительским творчеством, политической работой, запойным чтением, сотрудничеством в газетах», кроме того, именно в России наблюдается постоянный «отток еврейских рабочих с заводов и фабрик. Они становятся **ремесленниками** — обретают пусть не предпринимательскую, но все же свободу» [Рот 2011: 132–133].

Не может, по мнению Рота, окрестяниться и еврейский профессиональный «сват», который хотя не производит материальных благ и занят в каком-то смысле безнравственным делом, однако его мозг должен был проделать замысловатую работу, чтобы найти кому-то «хорошую партию» и заставить богатого соплеменника раскошелиться. «И что этот мозг будет делать в убийственной тишине?» [Рот 2011: 133].

Проследившая многовековую деятельность не всегда заметных еврейских профессионалов в разных областях, Рот высоко оценивает их творческий потенциал, привнесший в мир выдающиеся результаты:

Еврейская «производительность», возможно, не особенно бьет в глаза. Но если двадцать поколений **бесплодных мечтателей** коптели небо только затем, чтобы дать миру одного-единственного Спинозу; если десять поколений **раввинов и торговцев** понадобилось, чтобы произвести на свет одного Мендельсона; если тридцать поколений **нищих свадебных музыкантов** пиликают на скрипочках только с той целью, чтобы явился один прославленный виртуоз, то лично я такую «непроизводительность» принимаю. Мир мог бы остаться без Маркса и без Лассала, если бы их предков задумали окрестянить [Рот 2011: 133].

В герою последнего, предсмертного произведения Рота — «Легенда о святом пропойце» (1939), бывшем шахтере родом из Ольшовиц в польской Силезии, а ныне «пропащем человеке», парижском клошаре Анджее/Андреасе Картаке — присутствуют

и некоторые автобиографические черты, свойственные автору — бездомность, алкоголизм, совмещение профессионализма и маргинальности. В прощальной фразе, сопровождающей смерть героя, его отождествление с автором звучит весьма выразительно: «Пошли, Господь, всем нам, пропойцам, такую легкую и прекрасную смерть!» [Рот 1996].

Источники

Перец 1962 — *Перец И.-Л.* Избранное. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. 462 с.

Притч. — Книга Притчей Соломоновых.

Райзе 1999 — Еврейские народные сказки, предания, былички, рассказы, анекдоты, собранные Е. С. Райзе / Сост., лит. обработка, коммент. В. Дымшица. СПб., 1999. 568 с.

Рот 1996 — *Рот Й.* Легенда о святом пропойце / Пер. С. Шлапоберской // Иностранная литература. 1996. № 1.

Рот 2000 — *Рот Й.* Марш Радецкого / Пер. Н. Ман. М.: Гудьял-Пресс, 2000. 352 с.

Рот 2011 — *Рот Й.* Дороги еврейских скитаний / Пер. А. Шибаровой. М.: Текст, Книжники, 2011. 109 с.

Roth 1927 — *Roth J.* Juden auf Wanderschaft. Berlin: Verlag die Schmiede, 1927.

Roth 1989–1991 — *Roth J.* Werke. 6 Bände. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1989–1991.

Roth 2016 — *Roth J.* Erdbeeren und andere Fragmente aus dem Nachlass. Berlin: Karl-Maria Guth, 2016. 68 S.

Roth 2018 — *Roth J.* Listy z Polski / Tłum. M. Lukaszewicz. Kraków: Austeria, 2018.

Литература

Бен-Амос 2004 — *Бен-Амос Д.* Еврейская народная литература / Пер. Е. Э. Носенко. М.: Дом еврейской книги, 2004. 189 с.

Брио 2008 — *Брио В.* Поэзия и поэтика города: Wilno — ווילנע — Vilnius. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 259 с.

Клех 2018 — *Клех И. Ю.* Роман-кенограф // *Ром Й.* Марш Радецкого. Вступительная статья. М.: Вече, 2018.

Шибарова 2011 — *Шибарова А.* О Йозефе Роте и его книге // *Ром Й.* Дороги еврейских скитаний. М.: Текст, Книжники, 2011. С. 20.

Anders 1960 — *Anders G. Franz Kafka.* Cambridge: Bowes & Bowes, 1960. 104 p.

Bronsen 1974 — *Bronsen D. Joseph Roth. Eine Biographie.* Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1974. 713 S.

Morgenstern 1994 — *Morgenstern S. Joseph Roths Flucht und Ende. Erinnerungen.* Lüneburg: Zu Klampen Verlag, 1994. 328 S.

Scholem 1971 — *Scholem G. The Tradition of the Thirty Six Hidden Just Men // The Messianic Idea in Judaism and other Essays on Jewish Spirituality.* New York: Schocken Books, 1971. P. 251–256.

Sternburg 2009 — *Sternburg W. von. Joseph Roth. Eine Biographie.* Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2009. 576 S.

Wittlin 2000 — *Wittlin J. Wspomnienie o Józefie Rocie // Orfeusz w piekle XX wieku.* Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2000. S. 572–573.

Professionals and Marginals of Joseph Roth

Victoria Mochalova

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3429-222X

Ph.D., Head of Judaic-Slavic Center

119334, Moscow, Leninsky Av., 32-A

Tel.: +7(495)938-17-80, Fax: +7(495)938-00-96

E-mail: vicmoc@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2022.4

Abstract. The article analyzes the texts of the Austrian writer Josef Roth, which reflect or catalogue the traditional professional occupations of shtetl Jews, marginal social strata, occupations of Jews in emigration countries, in the USSR, cases of combining professionalism and marginality.

Keywords: Josef Roth, traditional Jewish professions in the shtetl, occupations of Jews in emigration, Jewish marginals, Jews in the USSR

References

- Ben-Amos, D., 2004, *Evreyskaya narodnaya literatura* [Jewish Folk Literature]; Transl. by E. Nosenko. Moscow: Dom evreyskoy knigi, 189.
- Brio, V., 2008, *Poezija i poetica goroda: Wilno — ווילנע — Vilnius* [Poetry and Poetics of the City: Wilno — ווילנע — Vilnius], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 259.
- Klekh, I.Yu., 2018, *Roman-kenotaf* [Novel-cenotaph]; Roth J. *Marsh Radetskogo* [Radetzky March], Introductory Article, Moscow: Veche.
- Shibarova A., 2011, *O Jozefie Rote i ego knige* [On Joseph Roth and His Book]; Roth J. 2011, *Dorogi evrejskich skitanij* [The Roads of the Jewish Wanderings], Moscow: Text, Knizhniki.
- Anders, G., 1960, *Franz Kafka*, Cambridge: Bowes & Bowes, 104.
- Bronsen, D., 1974, *Joseph Roth. Eine Biographie* [Joseph Roth. A Biography]. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 713.
- Morgenstern, S., 1994, *Joseph Roths Flucht und Ende. Erinnerungen* [Joseph Roth's Flight and End. Memories], Lüneburg: Zu Klampen Verlag, 328.
- Scholem, G., 1971, *The Messianic Idea in Judaism and other Essays on Jewish Spirituality*. New York: Schocken Books, 251–256.
- Sternburg, W. von, 2009, *Joseph Roth. Eine Biographie* [Joseph Roth. A Biography], Köln: Kiepenheuer & Witsch, 576.
- Wittlin, J., 2000, *Wspomnienie o Józefie Rocie; Orfeusz w piekle XX wieku* [Memoirs of Joseph Roth; Orpheus in the Hell of the 20th Century]. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2000, 572–573.